

конца XII в. была Киевопечерская редакция Повести, а в начале Выдубицкого, конца XII же века, — Сильвестровская, которая при том должна была отразиться сильнее, так как свод Киевопечерский входил в Выдубицкий (ср. стр. 10). В 1900 г. вышла статья Шахматова „Общерусские летописные своды XIV и XV веков“ (ЖМНП, сентябрь, ноябрь, декабрь.): В IV главе ее Шахматов говорит, что в основе И. (и X.) списка лежал южно-русский сборник, „составленный, повидимому, в конце XIII в.“. „Южно-русский сборник составилась из соединения нескольких летописных сводов; из них могут быть определены: Галицко-Волынский, из которого, кроме третьей части сборника, некоторые заимствования попали и в первые две; например сюда относится ряд известий о галицких событиях, между прочим ссылка под 1145 г. на галицкое сообщение, занесенное якобы «в задних лѣтѣхъ»,¹ а на самом деле опущенное в южнорусском сборнике; отсюда же сделаны под 1111 и 1114 гг. некоторые выписки, восходящие к Амартолу и Малале (хронографу), так как знакомство с Маладой составителя Галицко-Волынской летописи стоит вне сомнений (ср. Ипат. 494, 507, 513); Суздальский, в значительной степени отразившийся на первой части сборника; Киевский, откуда взято немало статей, касающихся Мстиславичей и Ростиславичей (между прочим похвалы Мстиславу 1178 г., Роману 1180 г., Давыду Ростиславичам 1197 г. — Ипат., 414, 418, 472, похвала Рюрику Ростиславичу — Ипат., 1199 г.). Наконец, в этот свод вошла... южно-русская летопись (Черниговская, как увидим ниже)“... (стр. 157 и прим. 3). О каждом из этих сводов-источников Шахматов говорит в 1900 г. следующее: Суздальская летопись, точнее — Суздальский летописный свод конца XII в., легший в основу южно-русского сборника конца XIII в., судя по И. X., оканчивался известием 1197 г. о рождении у в. князя Всеволода сына Ивана (Ипат. 159, прим. 1). То есть этот свод повлиял на 2-ю часть сборника. В начале же упомянутого Суздальского свода стояла Повесть временных лет, обнаруживающая влияние своей редакции 1117 г., что значительно отразилось путем этого свода на 1-й части южно-русского сборника (стр. 165 и 171).

Киевский летописный свод, также легший в основу южно-русского сборника, замыкался, по Шахматову, статьей о построении стены в Выдубицком монастыре (1199 г., стр. 159, прим. 1) и, как мы видели выше, повлиял на 2-ю часть южно-русского сборника, между прочим, хвалебными характеристиками Мстиславичей и Ростиславичей (Ипат., 1178, 1180, 1197 и 1199 гг.).

Галицко-Волынский свод конца XIII в. отразился на каждой из трех частей южно-русского сборника, а именно: он составил основное содержание 3-й части, отличающейся несомненным знакомством составителя Галицко-Волынской летописи в объеме XIII в. с Маладой. Если расшифровать цифирные ссылки Шахматова на страницы „Летописи по Ипатскому списку“, изд. Археогр. Комиссии 1871 г., то оказывается, что под заимствованиями из Малады Шахматов разумел в Галицко-Волынской летописи XIII в. цитату о реке Скрыте под 1229 г. (из XVII книги Малады), подобную игру слов под 1221 г. и афоризм Омира под 1233 г. Ипатьевского списка. Привлечение афоризма Омира сомнительно,

¹ ПСРА, II², И. 1145 г.: „Той же зимѣ Владиславъ Лядскій князь емъ мужа своего Петрка (X. П. „Петрока“) и слѣпи, а языка ему урѣза и домъ его разьграби, токмо съ женою и съ дѣтми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь (Е. „и не иде в Русь, но инудѣ“). Яко же еуангельское слово глаголетъ: ею же мѣроу мѣрять, възмѣрять ти ся: ты емъ Руского князя лествю Володаря, и умучивы й, и имѣние его усхыти все, егo-же Богъ по нѣколици днєвѣ не призрѣ, о нем-же бѣ въ заднихъ лѣтѣхъ писано“.